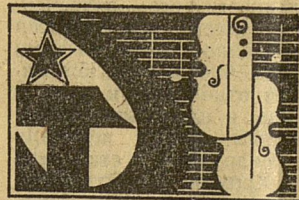

ДИНАСТИЯ

СВОЙ РАССКАЗ об этой замечательной семье потомственных музыкантов я начну издавека. Астрахань, год 1911-й.

...Концерт окончился. Публика давно разошлась. Только один зритель-грузин остался на своем месте.

— Кацо, а кацо, — бесцеремонно теребя его за плечо, нудно повторял капельдинер, — ты что, не понимаешь? Один ты остался, понял? Иди домой, иди...

Грузин посмотрел на слушателя театра восторженными глазами. Огляделся. Увидав пустой зал, провел ладонью от лба к подбородку, будто сгоняя с себя наваждение:

— Я был сейчас в раю, прости меня, пожалуйста. Ах, как там прекрасно! Так прекрасно, что не хочется спускаться на землю...

Грузин надел шляпу, потом вежливо ее приподнял в знак приветствия и пошел к выходу.

— Жена, где ты? Ты слышишь меня, жена! — закричал он, переступив порог своего дома. — Ты должна мне родить еще двух сыновей! Тогда у меня будет свой квартет! Квартет из че-

тырех родных братьев, четырех сыновей Доментия Шанидзе!

С тех пор, как в Астрахани появился квартет, Доментий Шанидзе каждый вечер пропадал в театре. В Астрахани они жили в ссылке. Ютились в двух крохотных комнатках. В одной из них жили три музыканта, которых Доментий вызвал из Самтредиа, так как в местном оркестре не хватало людей. Такой человек, ему до всего дело!

А теперь он требует еще двух сыновей. Жена и с двумя едва справляется. Ведь ей только восемнадцать лет. Мужа никогда нет дома. Мало того, что он играет в оркестре, так поет еще в церковном хоре. Бесплатно. Говорит, большой интерес есть. И второй год посещает музыкальное училище. Тоже, говорит, надо для будущего. Хочет организовать детскую музыкальную школу, когда вернется в Грузию.

Если бы Доментий не прятал у себя в оркестре революционеров, семья и сейчас была бы дома, на родной земле. Мужа забрали ночью чужие люди, потом увезли его в Тбилиси, в Мцхетскую крепость. А потом их выслали в Астрахань. Почти каж-

дый день приходят жандармы к ним в дом, проверяют, не убежал ли Доментий. От жалости к себе женщина заплакала.

— Не плачь, родная, — утешал ее Доментий. — Не всегда будем здесь жить. Вернемся в Грузию. Построим дом, заведем корову, огород, сад... Только ты роди мне еще двух мальчиков! Если бы ты слышала, как поет квартет! Райская музыка!

Лучше райской! Будет у меня свой квартет, буду с ним везде выступать. У кого горе — дадим утешение, у кого радость — умножим ее. Ах, как звучит квартет! Птички так не поют, человек так не может...

Самтредиа, год 1916-й.

К этому времени будущий квартет, задуманный Домением Виссарионовичем Шанидзе еще в ссылке, был уже полностью «укомплектован». Оставалось только терпеливо ждать, когда сыновья подрастут и сумеют держать в руках инструменты. Виолончель и три скрипки были большим украшением дома. Больше ничего не было. По-прежнему жили у чужих. Питались главным образом фасолевым похлебком, но зато в доме было много музыки и пения. Прохожие удивлялись: что за люди живут в этом доме, каждый день у них праздник!

Шанидзе пел с сыновьями, знакомил их с азами нотной грамоты, репетировал с самодельным хором, оркестром рабочих железнодорожного узла. Когда невозможно заработать денег, снял пустующий лабаз у местного купца и устроил там первую «филармонию».

В 1923 году, когда из Гру-

зии начисто вымели меньшевиков и там накрепко установилась Советская власть, Доментий Шанидзе приступил к осуществлению своей давней мечты — организации детской музыкальной школы. Первыми ее учащимися стали четыре его сына.

И где только человек брал время? — удивлялись друзья и знакомые. Детская школа, самодеятельность у железнодорожников. И бесконечные экспедиции за фольклором, песнями, инструментальными наигрышами. В свои главным образом пешие «командировки» Доментий Виссарионович брал с собой и сыновей.

Тбилиси, год 1974-й.

Я сижу в квартире старшего сына Домения Шанидзе — Котэ. За годы, что мы не виделись, он изменился мало. Такой же худощавый, подтянутый, быстрый и ловкий в движениях. Только сильно поредели волосы. И глаза уже не те смешливые, что были раньше. В них появилась грусть, задумчивость.

Котэ — хранитель семейного архива. Он тщательно подбирает каждый документ. Я держу в руках хрупкие от времени бумажки. Они вызывают воспоминания. Достаточно одного взгляда — и забытое вчерашнее становится остро ощутимым сегодня. Афиши, газетные, журнальные вырезки, фотографии.

На одной из них мелькнуло что-то знакомое.

— Узнали? — Тонкое лицо Котэ озаряется открытой улыбкой.

Короткими вспышками высвечиваются кадры из прошлого.

...Лето сорокового года в Подмоскowie. Последние часы моего пребывания на отдыхе. Брожу по знакомым лесным тропкам, прощаюсь с любимыми уголками. Вдруг откуда-то из глубины леса донеслись густые и низкие звуки виолончели, к ним присоединились прозрачно светлые тона скрипок. Я пошла на голос музыки.

Маленький охотничий домик. На крылечке четверо рослых юношей. Заметив меня, они прекращают игру, выжидательно смотрят в мою сторону, гостеприимно предлагают стул. Узнаю, что они студенты консерватории. Только один из них имеет путевку. Остальные на птичьих правах. Но им необходимо работать, репетировать. Скоро концерт.

Потом мы встретились в общежитии консерватории.

Их руководитель профессор Е. М. Гузиков предсказывал большое будущее братьям.

...А вот интересная афиша — не афиша, целая простыня. «Грандиозный концерт» — эти слова отпечатаны аршинными буквами. На фотографии четверка братьев. Между ними отец. Старшему, Котэ, тогда не было шестнадцати, самому маленькому — Шота, ныне профессору Тбилисской консерватории, он сидит еще в коротких штанишках, — всего десяти лет.

«Грандиозные концерты» доводилось слушать многим. Где на арбе, а то больше «на своих двоих» исходил отец с детьми сотни километров по гористым селениям, неся людям радость и утешая их в горе. С открытых площа-

док — импровизированных сцен — лились грузинские мелодии, покоряя слушателей слаженностью полифонического звучания. Под аккомпанемент чонгури — на нем играл отец — дети исполняли грузинские песни и не как-нибудь, а на четыре голоса! В программе квартета были Чайковский, Глинка, Гайда.

Большое место в своих походах, которые сами по себе превращались в фольклорные экспедиции, семья Шанидзе уделяла сбору и записям народных песен. Так как пианино с собой тащить невозможно было, а в селениях и подавно его не было, то работа очень осложнялась. Делала наброски на нотной бумаге, тут же набрасывали партии для каждого голоса и шло разучивание. А дети были как все дети — им хотелось и поиграть, и пошалить. Но раздавался непрерываемо властный голос отца, и они шли работать. Ослушаться отца считалось кощунством. И сыновья до сих пор благодарны ему за то, что он помогал им вырабатывать в себе трудолюбие, терпение, гражданственное чувство ответственности, ответственность — одним словом, все те качества, с которых начинается человек.

И сам отец был им в этом примером. Жажда знаний, стремление как можно больше узнать было характерной чертой Домения Виссарионовича. Уже в зрелом возрасте, имея взрослых сыновей, он, чтобы идти вместе с ними в ногу, а главное —

быть им товарищем в работе, советчиком, поступает и оканчивает теоретическое отделение консерватории.

Знакомство с народной музыкой с ранних лет способствовало тому, что Котэ до сих пор занимается композицией. Он показывает опубликованные в отдельных сборниках свои песни, инструментальные произведения. Многие прочно вошли в репертуар духовых оркестров, симфонических. Исполняют произведения Котэ и вокалисты.

...В комнату, где мы сидим и разговариваем, вошли два статных молодых человека, сыновья Котэ. Старший, Амиран, уже окончил консерваторию и занимается преподавательской деятельностью. Младший, Вахтанг, тоже имеет музыкальное образование. Как же он похож на своего тезку, дядю Вахтанга, четвертого члена квартета...

Самтредиа, год 1974-й. Местная гостиница уже давно не видела такого наплыва гостей. У многих из них в руках футляры со скрипками.

Это Шота привез свой консерваторский ансамбль скрипачей. Привез не случайно. В Самтредиа большой праздник: детская музыкальная школа имени Домения Шанидзе справляет свой полувековой юбилей!

Озабочено лицо пятого сына Домения Виссарионовича — Отара. Дел в связи с торжеством невпроворот. Надо помочь людям разместить, сцену украсить. Хорошо придумали: из белых калл на канате сделаны нотные знаки.

Вот уже скоро двадцать лет, как Отар руководит школой имени своего отца. А хотел после окончания консерватории стать скрипачом исполнителем. И братья на него надеялись. Мечтали

возродить свой квартет, квартет братьев Шанидзе.

...Разразилась война. Братья пошли добровольцами на фронт. Один не вернулся с поля боя. Имя Вахтанга Шанидзе высечено на белом мраморе в консерватории в числе тех, кто погиб.

Страстно желал отец возродить квартет. На старой фотографии квартет в новом составе: первая скрипка — Серго, вторая — Шота, третий с виолончелью — Котэ. Вместо Вахтанга со скрипкой-альтом — Отари. Но, к сожалению, фотография только пополнила семейный архив. Мечте не суждено было осуществиться.

Смертельно заболевает отец. Встал вопрос: кому передать выстраданное и выпестованное долгими годами жизни, труда детище — детскую музыкальную школу?

Все четыре сына приехали в Самтредиа. У всех, кроме Отари, в Тбилиси свои семьи, работа...

Эстафету из рук отца принял пятый сын.

...Вечером дом культуры в Самтредиа до отказа заполнился гостями. В зале на сцене представители партийных, общественных организаций, родители учащихся, гости — бывшие учащиеся, воспитанники Домения Шанидзе. Многие из них стали музыкантами профессионалами.

Ораторов сменяют музыканты, певцы. Нынешние солисты Театра оперы и балета им. Захария Палиашвили Гиви Тарнжадзе и Ваню Коклия — тоже воспитанники самтредийской детской музыкальной школы. Они поют любимые песни своего старого учителя, песни его сыновей.

Дело Домения Шанидзе продолжается.

Эд. МЕДВЕДОВСКАЯ,
наш спец. корр.
ТБИЛИСИ — САМТРЕДИЯ.

Сов. культура
г. Москва 5 ноя 1974